

Профессор искусствоведения, специалист по фламандской живописи Синельников Александр Борисович, шестидесяти шести лет, возвращался домой из Голландии. Это была его первая поездка в Амстердам, случившаяся так поздно. Он давно и нежно любил этот город, в Рейксмузеум пришел как к старому другу. Залы и картины были давно и с любовью изучены по каталогам. Внешне старался сохранять вид солидного, опытного путешественника, но внутри все ликовало и рвалось наружу.

Заранее построил маршрут из Нидерландов во Фландрию. Три часа на поезде от Амстердама до Брюгге. Там ждал Ханс Мемлинг, на которого было отведено два часа. Потом – пятнадцать минут на электричке до аэропорта Остенде. Дальше – Москва.

В Брюгге решил оставить вещи в камере хранения на вокзале. Поставил чемодан, снял рюкзак. Пойдет налегке, возьмет только наличных немного и телефон. Опасался карманников, да и что, собственно, может случиться за эти пару часов, обойдется без документов. Набрал комбинацию цифр, банально вбил сегодняшнюю дату. Надежно захлопнул дверцу.

Город пах сладкими вафлями, терпким шоколадом, густым солодом, щebetал на китайском, рокотал по-испански. Александр Борисович прошел через площадь, мимо ратуши, мимо шарманщика. Свернул в тихий зеленый двор бегинача, где едва

уловимый звон кивающих бледно-желтых нарциссов удерживал диагональ темных голых стволов.

Музей Мемлинга был расположен чуть дальше, на территории древнего госпиталя Святого Иоанна. Здание было необъяснимо родным, несмотря на величественность. Кирпичи разного цвета – от розовых с вкраплением красного, нежно-зеленых, почти оливковых, серых с каштаном – до черных, – походили на куски времени, осязательного и плотного.

Остановился на мосту, решил сделать снимок; попытался пробиться сквозь тесную толпу туристов. С трудом приблизился к перилам, достал телефон из кармана куртки. Внезапный неожиданный удар под руку, телефон легко выскользнул из пальцев и исчез в черной воде. Чувство растерянности, нежелание поверить в случившееся, ужас и отчаяние. Группа немецких школьников. Пшеничный мальчик поднял васильковые глаза, в которых застыли испуг и настоящее сожаление. И хотя на телефон копил долго, выбрал модель с хорошей камерой, увидев эти глаза, – улыбнулся через силу, рукой махнул, мол, ничего страшного, пустяки...

Постарался забыть о досадной потере; придется все запомнить, сохранить, сфотографировать внутренним оком. Вошел во двор монастыря. Первое, на чем остановился взгляд, была цветущая магнолия. Удивился, не знал, что в марте цветет. Ее цветы с бело-розовыми лепестками пахли чем-то сладким

с толикой грусти. Прошел вглубь, и странная бронзовая статуя привлекла его внимание.

Два монаха в длинных плащах застыли в объятиях. Капюшоны, рукава широкие. Склонившись друг к другу, закрыв глаза, упершись в плечи. Один из них положил руки на грудь другому, и его длинные пальцы походили на птичьи лапы, которые наконец нашли свое гнездо. Другой поддерживал его, словно лова. Лицо было более сосредоточенно, сурово, принимающее и понимающее. Они молчали, но были полны невысказанных слов, которые беззвучно падали в тишине. Александр Борисович ощутил прозрачную пульсацию времени, сквозь которую стали просвечивать голоса.

– *Я пришел к тебе, брат мой. Я обессилел. Горечь и пустота обуревают меня. И уныние поселилось в сердце моем. Не могу согреться слезами своими.*

– *Ты – дома, среди родных. Ничего не бойся. Все – пойму, и все – приму. Бережно, как хрупкий сосуд, понесем мы тебя. Отдохни. Потому что ты наконец – дома...*

Внутри царапнуло что-то, смутное беспокойство почувствовал, словно тень летучей мыши мазнуло по лицу. Очнулся, огляделся, да вот, собственно, и музей.

От Мемлинга вышел взволнованный, радостный, с абсолютным принятием этого мира. Всего пять произведений, но этого хватит на всю жизнь. Светоносный, добрый, ласковый и ликующий мир! Ай да Мемлинг, ай да сукин сын!

Чтобы успокоиться, сбить это биение сердца, зашел в старинные залы аптеки. На полках стояли изящные ступки, пузатые керамические сосуды разных размеров, в витринах желтели старинные рецепты. Названия некоторых растений были знакомы – укроп, анис, розмарин. Другие – нет: лакрица, прованская роза, шиповник галльский. Внезапно его окутал горький запах полыни, травы «забудь», которая прорвалась из детства, и это было последним воспоминанием. Потому что потом Синельников Александр Борисович гулко упал на пол.

– Инсульт, – услышал он чей-то голос.

Чужие руки подхватили его и положили на лавку. Он видел и слышал все, но не мог ни пошевелиться, ни сказать что-либо. Язык превратился в тяжелый камень. Дышал с трудом. Все походило на сон. Он хотел объяснить, что у него самолет через час и в Москве его ждет Машута, и он везет ей подарок – лучший шоколад фирмы Neuhaus.

Попытался направить взгляд на склонившееся лицо, но оно расплывалось, убегало, а за ним хороводом качались ряды белых сосудов, отвечивая сверкающими бликами.

Нахлынул вдруг запах их квартиры в Сокольниках. Густой запах тяжелых книг, любимого просиженного кресла с ушами, метнулась герань на подоконнике, болотисто пахнущие беспомощные его акварели встrepенулись вдруг. Зачем? Для чего? Все это мелькнуло в одно мгновение, обдало радостью и – испарилось, словно и не было никогда. Изумление было. Так быстро? Неожиданно. Ни страха, ни сожаления. Другое открылось. Называлось – бесконечность. Закружило все сильнее и сильнее, увлекая в эту сияющую бездну.

Лежал на твердой деревянной скамье, но казалось, словно парит в воздухе, плыл будто. Прежняя жизнь казалась чем-то довременным, метафизическим, словно и не было ее вовсе. И запланированный путь домой был так далек, так невозможен. И Остенде, и Москва – звучали так странно и уже не выходили за пределы сложенных букв и не значили ничего.

Со спокойным равнодушием наблюдал, как кто-то нервно говорит по телефону, почувствовал, как развязали галстук и расстегнули пуговицы на рубашке. Уже не старался быть в этом мире, было неинтересно. Гораздо важнее были голоса, услышанные раньше.

С облегчением закрыл глаза. Какая легкость! Уже не надо беспокоиться ни о чем. В этом городе – крошечном, случайном, который, оказывается, ждал его столько времени, – найдет он успокоение. Мой дом настоящий.

Пытались установить личность. При нем не было ничего, что могло бы помочь, – ни паспорта, ни билета, ни телефона. Никто не знал, как зовут, каких корней, какой веры. Администрация музея растерялась. А тело лежало...

За века существования госпиталя генетическая память сработала: «паломники, больные и нищие». Вопреки всем правилам, похоронили на внутреннем кладбище. День был солнечный, мартовский, магнолия беззвучно роняла нежные невесомые слезы, которые исчезали в черных жадных экранах галдящих туристов.

